

Виталий Храмов

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Виталий Храмов
Сегодня – позавчера.
Испытание огнем

Серия «Сегодня – позавчера», книга 2
Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/25439844>

*Храмов, Виталий Иванович Сегодня – позавчера: Испытание огнем:
роман: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва;*

2017

ISBN 978-5-17-105145-7

Аннотация

<p>Случайная смерть – и ты в теле старшины Кузьмина в 1941 году. Но память говорит – это какой-то неправильный 1941 год.</p><p>Почти вся Москва захвачена немцами, но Советский Союз сопротивляется изо всех сил. Сталин не сбежал, и его ставка в подземной Москве, в метротуннелях. Подтягивают резервы, и возможно, ход войны удастся переломить. Нужно приложить все силы, знания, чтобы помочь Родине выстоять. Значит, придется идти в бой, и еще раз в бой, и еще раз до полной победы.</p>

Содержание

Пролог	5
Опять «котлета»	10
Опять «котлета» (1941 г.)	19
Опять «котлета» (1941 г.)	41
Опять «котлета» (1941 г.)	52
Узник (1942 г.)	60
Узник (1942 г.) Словесные танцы	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Виталий Храмов

Сегодня – позавчера:

Испытание огнем

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Виталий Храмов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Я – попаданец. В начале двадцать первого века я по собственной невнимательности и нерасторопности угодил под железнодорожный вагон и оказался в сорок первом году, в теле старшины Кузьмина Виктора Ивановича, смертельно раненного при бомбёжке эшелона, которым полк старшины перебрасывался на фронт. Тогда нам, мне и телу Кузьмина, умереть было не суждено. Я был подселён в Кузьмина на испытательный срок. Правда, в чём заключалось моё испытание – не знал. Но оставаться в стороне в столь тяжкий для страны момент не мог. Я очень хотел помочь Родине и своему народу, но не знал, чем и как. Знаниями или навыками полезными не обладал – экономист по образованию, в армии не служил, в технике не разбирался. Жизнь меня маленько помотала, и, как впоследствии оказалось, привила некоторые навыки, оказавшиеся полезными. Так получилось, что я больше половины трудовой деятельности руководил людьми и процессами (хотя и малыми делами и коллективами), обычно на самых сложных и безнадёжных направлениях, от которых амбициозные мои товарищи сумели отвертеться, а я, крестьянский сын, не сумел, за что и бывал бит и вздрючен регулярно. Зато появились стрессоустойчивость, умение видеть суть, то есть определить корень проблемы, выработалось интуитивное деловое чутьё, усвоились

основы психологии коллективов, умение разбираться в людях и мотивировать их на неблагодарный труд. Последнему научился спонтанно, и этому завидовали все. Я мог за пару минут уговорить бригаду сделать самую поганую работу, честно сказав им в самом начале: «Ребята, заплатить вам за это не смогу, но...» И они делали. Матерясь. И уважали меня после этого, а других посылали грубыми матерными оборотами.

Но оказавшись в сорок первом, я об этом и не вспомнил. Понимал лишь, что прогрессор из меня не выйдет, и очень расстроился. Потом, правда, решил: делай, что должен, и будь, что будет. Решил попасть на фронт и хотя бы что-то предпринять, хоть одного немца, но завалить. Так я оказался в добровольческом батальоне, сформированном из сотрудников НКВД. Я к НКВД отношения вообще никакого не имел, но так сложилось. Осенью мы попали на фронт, исключительно плодотворно повоевали, набили много танков, перебили много немцев и, самое главное, задержали целую танковую (а может, и не одну) дивизию на переправе на несколько суток. Батальон был разбит, но тылы и раненых удалось отвести прежде, чем захлопнулось окружение. Потом я, волей комбата (царствие ему небесное, фундаментальный был мужик) назначенный врио комбата (при старшинском-то звании), вел остатки разбитого батальона по тылам врага, обрастая отбившимися от своих окруженцами и освобождая наших красноармейцев из плена.

И вот в ходе этого лесного вояжа произошло ещё одно невероятное событие: в лесу мы берём в плен откровенно неприятного типа – крайне деморализованного снабженца. И это оказался я сам, то есть мой двойник, я-два, также оказавшийся в прошлом на своём «Шевроле» с несколькими носимыми радиостанциями и разными канцтоварами. Только тогда я понял, что нахожусь не в прошлом своего мира, а в прошлом какого-то другого. События сорок первого в этом мире развивались ещё драматичнее, чем в моём.

Отличия навскидку: маршал Победы Жуков Г. К. пропал осенью при перелёте из блокадного Ленинграда, немец вошёл в Москву, до поздней зимы столица разрушалась жесточайшими уличными боями, поглощавшими, как мясорубка, дивизии за дивизиями. И хотя потом удалось охватывающими ударами с севера и юга освободить Москву, война была проиграна. В сорок пятом война подошла только к границам СССР, а в сорок седьмом вермахт капитулировал перед Западом после ядерных бомбёжек. Но война не кончилась. Антигитлеровская коалиция стала тут же Антиконтинентальной. Ядерные бомбёжки русских городов, капитуляция на позорных условиях. Крах и уничтожение русской цивилизации. Сатанинский мировой порядок на планете под ядерной дубиной теневых хозяев Запада. Почти легальное рабство, расцвет трансплантации органов, серый рынок рабов на «запчасти», общемировой голод и нищета. Кроме «золотой» сотни миллионеров. Вот они-то жили не то что ши-

карно, а сверхшикарно. Это был даже не неофеодализм, к которому скатывался мир в моей истории, а неоантичность с абсолютно отморозенными полубогами и миллиардами рабов. Третьего, среднего класса не было, как не было и НТП. Ни космоса, ни лазеров, ни компьютеров, ни реактивных самолётов. Один сплошной менеджмент.

Что делать с этим? Мне казалось, что я знал решение. Я два рассказал, что во время боёв за Москву в результате предательского заговора был убит Берия, и все курируемые им проекты – оружейные, атомные, разведывательные и контрреволюционные, были похерены. Развитие оружия споткнулось, атом опоздал и не спас страны, разведка не смогла предугадать действий противника, с заговорами справиться стало некому. Сталин «заболел» и «ушёл», страна рассыпалась, попала в рабство даже не к «полубогам», а в рабство к немецкоязычным рабам.

Все эти все сведения мой аморальный, доведённый жизнью до скотского состояния двойник записал на листы бумаги. Я решил довести этого попаданца с его сведениями до своих и передать Берии в надежде, что легендарный Лаврентий Павлович сумеет грамотно распорядиться этим подарком, хотя бы не даст тупо застрелить себя в спину. Я два смотрел амерский фильм о «героях», сумевших казнить палача «пятьсот-миллионов-невинно-убиенных», а потом ещё и читал запрещённую книгу сорок шестого года издания с материалами следствия. Так что у нас были фамилии заговор-

щиков, их высоких покровителей и структура их организации.

Но при прорыве линии обороны врага я-два был смертельно ранен, и я лично добил его, а потом и сам был убит.

Опять «котлета»

Когда я очнулся в следующий раз, застонал. Кто-то вскрикнул и убежал. Я ничего не видел – на глазах были повязки. Я лежал. Связанный.

– Он меня слышит?

– Он пришёл в себя.

– Старшина Кузьмин, я начальник особого отдела дивизии капитан Паромонев. Вы меня слышите?

– Угу, – ответил я ему, закашлял и тут же застонал. Боль! Вся, блин, моя жизнь в этом времени – постоянная боль!

– Где ваши пленники? Где записи? Куда делись ваши спутники?

Ага! Значит, ни Кадета, ни записей они не нашли? Уже хорошо. Леший говорил, что Кадет был жив. На этой стороне был жив. Леший его проводил. Это кто же с ним остался? Бородач, Финн и девчонка? Это надёжные, тёртые мужики. Они знают цену тому, что несут. И гарантированно ни в одной из обойм подковерных партий не состоят. Только бы дошли!

– Никто не выжил. Ничего я не смог! Пристрелите же меня! Чего мучаете! Мля! Больно-то как! Всё пропало! Всех я потерял! И записи погибли! Доктор! Сделайте что-нибудь или пристрелите!

Вот такую истерику я закатил. Хотя она была искренней.

Мне и правда так больно, что жить не хочется. Тем более что всё от меня зависящее я сделал. Больше ничем помочь не могу.

Если Кадет дойдёт, если Парфирыч окажется тем, кого я в нём увидел, если Берия поверит, если сумеет... Слишком много «если». Но от меня больше ничего не зависело. Я больше никак ни на что не мог повлиять. Можно и помереть со спокойной душой.

– Доктор, какие шансы? – услышал я вопрос Паромонева.

– Никаких. Любая из его травм могла его прикончить. Большая кровопотеря, начавшаяся гангрена старых ранений – он уже был ранен и не один раз. А с медикаментами сами знаете, какое положение. Я не знаю, чем тут помочь.

– Сделайте, что возможно. Он должен ответить мне. За всё, что натворил.

– Да пошли вы нах! – прохрипел я. Мне было глубоко плевать на них. Вдруг всё показалось таким мелким, незначительным, несерьёзным до смешного. Какая мне разница? Какое мне дело до какого-то Паромонева с его предьявами? Я уже не в его власти, я одной ногой не в этом мире. Я почти в вечности. Единственное, что удерживало от падения в вечное ничто – боль. Боль такая, что я взвыл:

– Господи! Избавь меня от страдания! Дай избавления! Дай умереть!

Но Он оказался глух к моим мольбам. И я продолжал мучиться. Видимо, мой долг не исполнен. Но что я могу ещё-

то? Хотя Ему виднее. Ну что ж, Христос терпел и нам велел. Посмотрим.

В этом состоянии безумия от боли, в состоянии полусмерти, ко мне стали приходить странные сны. Однажды, проваливаясь в обморок, одной ногой в могиле, вот что я увидел.

Судьба Голума

(наше время)

Шея моя затекла, от этого я проснулся. Оказалось, уснул я за столом, положив голову на руки, отчего те затекли и онемели. Я сел, кресло скрипнуло. Задел мышью, и экран компьютера зажёгся, выходя из спящего режима. С экрана на меня смотрел Excel с открытым табелем моей бригады. И, как часто во сне бывает, даже нигде не шелохнулось, что я не в богом забытом госпитале, а дома, за компом.

За окном уже стемнело. А я дома был один. Так не бывает. Не должно быть. Потемну только я бываю вне дома – работа такая, а вот моей семье положено ночью спать. Сотовый лежал рядом. Позвонил жене – «абонент не абонент». У сына – та же песня.

Я забеспокоился. Заметался по комнате. Я никак не мог вспомнить, где они. Поставил чайник на газ, набрал тёщу.

– А они ещё не вернулись с речки? Не помнишь? Ты хоть что-то помнишь? Совсем у тебя мозги отказали! Они на речку ездили. Уже давно должны были вернуться.

Чайник тревожно засвистел. Намешил себе растворимо-

го кофе, позвонил подруге жены. Они почти всегда на реку ездят вместе.

– Да, вместе были. Как нету?

Из последовавшего следом потока слов и эмоций я выудил, что как за вечерело, моя любимая, оставив сына и одну из подруг, живущую рядом с нами, поехала (моя единственная из всех там присутствующих водила машину) везти эту, что сейчас несла пургу в трубку, и ещё двоих на другой конец города. Потом она должна была вернуться за сыном и приехать домой. Четыре часа назад.

Я бросил трубку. Звоню той, что была с сыном на пляже. Сонный, пьяный голос мне ответил, что она дома, не дождалась моей жены. Подъехали её знакомые ребята, и она укатила с ними.

– Мой сын? – заорал я.

– А чё ты орёшь? Он отказался. Сказал, ждать мать будет.

– Сука, шалава! – заорал я, бросая телефон.

Пнул диван, схватил обратно телефон, схватил бумажник, выскочил из дома.

Как я и надеялся, на углу, у супермаркета, стояли два бомбилы. Договорились быстро, летим на пляж, в Донское. Как я заметил, почти в каждом городе, где есть река или водоем, есть часть города или посёлок на берегу, носящий это прозвище. Официально или нет.

Доехали. Выскочил из машины, бегу, ору.

– Папа! – кричит зарёванный голос. Сын бежит навстречу. У меня кпяток пролился по жилам и брызнул из глаз. Сгрёб в охапку, чуть не раздавил.

– Мама, мама, – говорил сын, – она обещала. Что-то случилось!

Мой бедный мальчик. Один, в темноте, перепуган, но переживает не за себя, а за мать.

– Разберёмся! – отвечаю я ему. – Где твой телефон?

– Дома. Я же с мамой. Был.

Тут мужество оставило моего мальчика. Он заревел в голос. Сука, шлюха (подруга жены) оставила десятилетнего ребёнка одного. Ширинки увидала и поскакала!

– Разберёмся.

Посадил сына в машину, велел ему и бомбиле ждать, убежал окрестности – ничего.

Отвёз сына домой, как смог успокоил.

– Я поеду маму пощу, а ты постарайся поспать. Если надо, свет оставь, лады?

– Пап, ты за меня не бойся. Ты маму найди. Может, она колесо проколола?

– Найдём, колесо поменяем. Я тебя закрою. Идёт?

– Угу.

Он включил телевизор, обнял подушку, завалился на бок на диване, зажмурился. Я поцеловал его в темечко, выбежал из дома.

Бомбила ждал. Мы поехали с ним по маршруту, которым

моя любимая должна была проследовать. Потом по менее вероятному маршруту.

Рассветало, но так же – никакой ясности.

– Может, загуляла? – решил, наконец, бомбила. – Бабы они знаешь какие?

– Знаю. И хорошо бы так, но... Хорошо бы так.

Во мне закипало отчаяние. Она не могла загулять. Она не могла заблудиться. Не сломалась машина, она не попала в аварию – машину бы не успели убрать. Значит, что-то более мрачное и страшное. Липкий страх полз по спине.

У дверей ментовки позвонил на работу, сказал, что не могу выйти. Выслушал, что так нельзя, что это увольнение.

– Пох, – ответил я в трубку, – я не могу выйти.

И, сбросив вызов, зашёл в линейный отдел.

Я, в принципе, и ждал, что моё заявление не вызовет энтузиазма. Я понимал, что они думают: загуляла баба, появится, а нам бумаг оформлять миллион. Понимал. Потому не убеждал, не просил, просто гнул своё. Наконец они приняли моё заявление на пропажу жены и заявление на угон машины. Заявы разные, пойдут по разным ведомствам, а цель будут преследовать одну. Дождался, пока не увидел фотку жены в компах ментов, в разделе «Их разыскивают».

Тут же позвонил куму. Он у нас в милиции служит. Хоть и старлей всего, но в криминальной милиции. Это у них подразделение такое. Он меня выслушал, обещал подсуетить-

ся. Не задавал глупых вопросов про загулы – он мою жену хорошо знал, как-никак он её троюродный брат. Знает, что она умница. Если и загуляет, то так, что никто не догадается. Так глупо, с розыском в милиции, она не сможет.

Потом позвонил ещё одному хорошему другу семьи. Тот уже дослужился до полковника милиции. В Чечню ездил, чтоб полканом стать. В той командировке он подорвался на фугасе, полгода валялся по госпиталям, но смог восстановиться. Даже полковника получил. А то служил пять лет на полковничьей должности в звании подпола.

Он молча выслушал. Спросил только:

– В последний месяц медкомиссий она не проходила?

– Проходила. У неё же через неделю соревнования.

– Понятно. Всё, Виктор, ты больше ничего не предпринимай. Жди. И постарайся успокоиться.

Как тут успокоиться? И этот вопрос про медкомиссию, он к чему? О чем ты, опер, знаешь? Что там случилось?

Пришёл домой. Сын уже не спал. Молча смотрел на меня. Я сел рядом на диван. Уставился невидящими глазами в телевизор.

– Я к бабушке? – спросил сын.

Когда ты успел так повзрослеть, сынок?

– Да. Пока поживёшь там. Собирай вещи.

– Ноут брать?

– Возьми всё, что считаешь нужным. Да, готовься, что надолго. Лето, авось.

После недолгих сборов уже другой бомбила отвёз нас в пригородный посёлок, где жили тёща с тестем. Пришлось им отчитаться о своих действиях. После недолгого семейного совета было постановлено, что действия мои были верными. И что я ничего не забыл, сделал всё, что нужно, ничего не упустил, чего от меня, дырявоголового, не ждали.

Приехав домой, обнаружил машину кума у подъезда. Кум вышел, обнял, достал с заднего сиденья звякнувший пакет.

Нажрались. С горя. Моя любимая как в воду канула. Даже менты уже не надеялись на благополучную развязку – нашу машину перехватили на выезде в соседнюю область. План «перехват» – есть у них такой. Человек, что вёл машину, не подчинился требованию остановиться, попытался скрыться, открыл огонь из автомата. Погоня продолжалась два часа. Бандит загнал машину в лесной массив, где бросил машину и затерялся в зарослях. В салоне была обнаружена кровь. Окровавленная одежда моей жены.

Следующих дней я не помню. Бухал. Я. Не пьющий. Бухал. До потери способности думать. Смутно помню только лицо отца, что пытался как-то образумить меня. Помню, что мне стыдно перед ним. Наверно, нахамил.

А потом меня вызвали на опознание. В морг.

На столе лежало тело, накрытое какой-то зелёной клеёнкой. Из-под покрывала торчали ноги. Пахло горелой человеческой плотью. Я не должен был знать этого запаха, но в сорок первом нанюхался.

Какие-то люди что-то мне говорили. Что-то из официоза. Я не смог поднять покрывала. Не смог. Потому что узнал эти голые ступни родных ног. Очень часто, если я вечерами дома, она ложилась на диван, я садился в ногах и массировал эти ступни. Они у неё болели, уставая за день. Так мы смотрели телевизор или DVD.

Я упал на колени, схватился за её ноги, уткнулся в них лицом и завыл.

Финиш.

Опять «котлета» (1941 г.)

Постоянно приходили особисты. Пытались меня допрашивать. Я их искренне и от души посылал по пешему аморальному маршруту, с садистским удовольствием чувствуя их беспомощность. Им нечем было на меня надавить – я уже не от мира сего, одной ногой в могиле. И пытаться меня бесполезно. Каждая минута жизни для меня и так была пыткой. Меня никто не пытался оперировать. Сразу вправили кое-как ногу, зашили руку, не пытаюсь срастить сломанные кости, так и оставили, ожидая моей смерти. Хотя перевязки-пытки делали. Я чувствовал собственную вонь. Вонь гниющего заживо тела. О-хо-хо, беда!

Сколько это продолжалось, я не знал. Я был связан, глаза завязаны, часто и надолго терял сознание. Но приходить в себя совсем не хотелось. Обморок нёс хоть краткое, но избавление. От боли. Но приходили эти видения. Того мира, мира будущего. Мира без неё. Тяжело. Больно. Врагу не пожелаешь того, что испытал я.

Судьба Голума

(наше время)

Там или тут? Как назвать моё существование в двадцать первом веке? Не важно. Я заливался спиртным. До обморока. Там – боль и война, тут – боль и потеря Люб-

ви, Радости, Смысла жизни. Но, что необычно, переваливаясь из одного мира в другой, я сразу же забывал тот другой. Так, смутные отголоски, как от ночного кошмара после пробуждения.

Мной овладела такая тоска и апатия, что свет померк. Смутно помню похороны, поминки, какие-то допросы в ментуре, дознания, протоколы. Я их все читал, но...

Всё изменил один человек. Я сидел пьяный у дерева напротив дома. Идти в дом не хотелось – без неё он потерял значение «дома». Но и идти было некуда и незачем.

– Это у тебя жену убили и сожгли? – услышал я.

Я поднял голову.

– Ну?

– Я знаю вашу машину. Я был на пляже в тот день. И видел, как вслед за твоей поехала другая машина. Это было подозрительно. Потому я запомнил номер. Менты мне не верят. Эх, вижу, ты неменяемый. Ладно, засуну бумажку в карман. Может, добьёшься чего. Говорят, связи у тебя неплохие.

Только на следующий день, наткнувшись на писульку, я вспомнил этот разговор. Долго-долго пялился в бумажку, часа два. И мир мой менялся. В нем появился смысл. Точнее, цель.

Сначала я хотел обратиться к своим ментовским знакомым, но передумал. Какое-то смутное беспокойство было. Как предчувствие. Но я его неправильно понял. Стал ко-

пать. Сам. Не совсем же я дурень. И спешить мне некуда. Всё уже случилось. Что могло случиться, уже случилось.

Номер и описание машины соответствовали машине, принадлежавшей довольно известной в городе структуре. Это была бизнес-структура типа холдинг-групп, владел ею большой авторитет, в нашем городе, конечно. В прошлом бандит, настолько умный и хитрый, что выжил в девяностые, легализовался, стал бизнесменом. Я знал его дочь, тихую умницу, – учились на параллельных потоках в университете, знал его сына, охеревшего от вседозволенности отморозка. Не знал только, что он не завязал с криминалом.

Понятно стало, почему менты не стали крутить этот след. Муторно, хлопотно, а ничем не кончится. От такого человека ничего не добьёшься.

И я тоже решил быть аккуратней. Пить я притормозил, но дурака валять продолжал. Пусть думают, что я продолжаю пить. Недееспособный алконавт. Спроса меньше. И шляться можно везде. Слушать, смотреть.

Многое услышал, многое увидел. Мир мне открывался с другой стороны. С той стороны, которая была в тени, была не столько скрыта, сколько неинтересна, брезгливо оббегаема глазами. Мы живем с этим тeneвым миром рядом, но параллельно, в отращении не замечая его. Обходя эти «тени», как лужи грязи, в боязни заляпаться.

С работы меня уволили. Что меня устраивало. В план моей вендетты такая загруженность не вписывалась. Но

деньги-то нужны? Нужны. Очень. Но работа нужна особая. Чтоб свободного времени побольше. Помог кум. Устроил меня сторожем. И к кому! В гаражный комплекс того самого холдинга того самого авторитета. Менты в открытую дружат с бывшими (или не бывшими?) бандитами. Но не до морализаторства.

Работа – супер! Сутки через трое. Сутки сидишь в караулке, палец о палец не ударишь, три дня – делай что хочешь. А зарплату положили в два с половиной раза больше, чем у мастера путейцев. Зарплата, правда, в конверте, но мне то до этого прохладно. До пенсии ещё дожить надо. Моей жене все эти пенсионные и страховые фонды уже глубоко параллельны. И мне – тоже.

Комплекс – шесть боксов под авто. Утром машины уходят, вечером водилы пригоняют машины, купаются в душе и расходятся по домам. Я всё закрываю, и можно ложиться спать. Весь комплекс обнесён бетонным забором, но вернее заборов охраняет имуществу авторитет хозяина комплекса.

С первой же зарплаты я дёшево купил подержанный скутер, что резко повысило мою мобильность – в нашу машину я сесть больше не мог. Поставил её в гараж и запер.

Дело не в том. Моё расследование потихоньку продвигалось. За искомым авто были закреплены двое братков. Они были мелкими порученцами для несложных заданий. Подай-поднеси, уйди, не мешай. Для этого им и была вы-

делена машина. Но в данный момент их в городе не было. Куда-то запропастились. Совпадение или нет? Спецом отослали?

У каждого исполнителя должен быть начальник. И у этих двоих должен быть. А вот и нет! У всех людей в этом холдинге были старшие, даже у меня. Надо мной стоял суровый мужичок, что отвечал за всех сторожей на всех объектах, раскиданных по городу и области. А у этих двоих — не было. Потом оказалось, что и сами они не совсем свои. В структурах холдинга не состояли. Это были личные обезьянки сына хозяина. Беспредельщика. Отморозка. И распоряжаться ими мог только он. Вот так вот. И выяснить цель их слежки за моей любимой можно только у него. У Отморозенного.

Запахло жареным. Это подгорала моя задница. Даже попытка разговора с этим пареньком выйдет мне боком. Стало ясно, что разговор, может, и состоится, но только один, только силой, и после него мне придётся резко потеряться. А так как мне не безразлична судьба дорогих мне людей, то и разговор должен быть инкогнито.

Согласен, версия так себе, но другой нитки, способной меня привести к убийцам, не было. Так что будем тянуть эту. В процессе размышлений выстроился план действий.

Потеряться надо не после разговора, а до. И больше не показываться. Так будет легче сохранить инкогнито.

Я продал машину, завел пластиковую карточку «Сбер-

банка», кинул на неё все деньги, что были. Приехал к теще. Пообедал с ними. Попросил сына проводить меня. Мы сели на лавочку под тремя берёзками.

– Ты уезжаешь?

Я вздохнул. Отвернулся.

– Да.

– Надолго?

– Да.

– Может, не надо?

– Надо.

– Обещай, что вернёшься!

– Всё будет нормально, обещаю. Вот карточка. Я на неё буду деньги высылать.

– А когда ты вернешься?

– Я не знаю, сынок. Как отболит.

– Так у меня тоже болит! – закричал он.

Я почувствовал, как глаза наполнились слезами, обнял его, буркнул:

– Прости!

Потом сел на скутер и уехал.

Домой мне было возвращаться не с руки.

Я уже выкинул симку сотового, купил краденый телефон с левой симкой.

Я сидел на заборчике, ограждающем территорию мага-

зина на центральной улице города, и высматривал ту, что подходила по моим выдуманнным критериям. Вечер уже подходил к восьми, похоже, сегодня тоже ничего не сложится.

А эта? Похожа на загнанную лошадь. Прёт тяжеленные пакеты. Не шибко ухоженная, типичная разведёнка-бухгалтер. Кольца нет. Взгляд разведёнки. Давно и безнадежно одинокой. Ну, попробуем?

– Вам помочь? – спросил я, подходя к ней и подхватывая пакеты в её руках.

Она испугалась. Верно я угадал. Ничего хорошего от мужиков она не ждёт.

– Не бойтесь, я лишь хочу помочь. Мне нечего делать, скучно, а вам тяжело. Я вам помогу, вы скажете мне «спасибо», я буду горд собой, и день пройдёт не зря.

Она отпустила сумки, но глаза так и остались глазами испуганной коровы.

– Вам куда?

Она проблеяла название улицы, я пошёл, она посеменила след.

Я шёл и что-то трепал языком. Не помню, что. Да и она, скорее всего, не вспомнит. Не важно. Что-то о том, что надо помогать людям, потому что всё в мире взаимосвязано. Надо делать добро. И другую подобную благостную пургу. И дальше – то же ля-ля.

А когда дошли, я внаглую спросил:

– Чаем напоите? Пить хочется.

Она впала в ступор. Я взял её за подбородок, слегка нажал, опуская голову:

– Это делается так: «Да, конечно, у меня есть и чай, и кофе, и кое-что покрепче».

Неожиданно её отпустило. Она ухмыльнулась, в глазах мелькнули, видимо, уже забытые, блядские искорки:

– А то так пить хочется, что переночевать негде?

– Ну, вот! Приятно иметь дело с умной женщиной.

– Ладно, пойдём.

Типичная двухкомнатная хрущёвка. Комната подростка-дочери (лет пятнадцати), гостиная, она же, видимо, её комната, кухня малюсенькая, совмещённый санузел. Обстановка старомодная, бедненько, но чисто, аккуратно.

Дочка в немом удивлении смотрела на меня.

– Привет, я Гоша.

– Он же Гога?

– Почти. А ты?

– Не важно.

– Ладно, Неважно, показывай, где пакеты ставить.

Потом хозяйка готовила ужин, я развлекал её. Мне непонятна эта тяга женщин, чтобы кто-то смотрел на их процесс стряпни. Я же не люблю, когда кто-то смотрит. Но сидел, благостное ля-ля разговаривал. Неважно сидела у себя, как мышь. Она и была как серая мышка. Какая-то вся никакая, усредненно-незаметная. Угловатая, высокая, ещё бесформенная, русые волосы в обычном хвосте, светлые

брови и ресницы, будто их и нет.

Да и мама такая же, только крупнее по-женски, мясистее.

Готовила она, кстати, так себе. Хотя сойдёт. Поужинали почти в молчании. Потом Неважно ушла, мы пили растворимый кофе.

– Уйдёшь? – спросила, наконец решившись, она.

Я пожал плечами:

– Прогонишь – уйду.

М-да, если бы заставил попросить остаться – не попросила бы. Но и выгнать не может.

Принесла полотенце. Пока я принимал душ, постелила постель.

Я старался произвести впечатление. Можно было не стараться – там давно и никто не оставлял впечатлений, но я старался. Поэтому утром, когда мы пили кофе, она спросила:

– А ты придёшь ещё?

– Да.

– Когда?

Я пожал плечами.

Проводил её до работы, я угадал – контора. И когда я сказал:

– До свидания!

Она ответила:

– Я буду ждать.

Перевалочная база заложена.

Раньше мне казалось, что сутки через трое – уйма времени, но оказалось, опять времени не хватает. Выспаться не могу. Надо было хоть где-то спать нормально. Просто спать. Поэтому я на объекте, который охранял, сделал вот что. Купил несколько китайских веб-камер, два датчика движения, привёз с гаража свой древний комп, на нём ещё стоял самый первый «Celeron», и пузатый монитор. Камеры были развешены, датчики установлены, провода протянуты, комп отформатирован, и софт нужный установлен. Нет, всё, конечно, не так просто и не так быстро, но кого волнуют проблемы блох и солдат? Не рассказывать же об этом. Это скучно. А вот заработавшая система видеонаблюдения, при включении датчиков движения ещё и пищавшая на подъехавших к воротам и шлявшихся в периметре, заинтересовала моего начальника.

Он сурово смотрел в выпуклый монитор, где транслировалось изображение с четырех камер.

– Сам?

Я хмыкнул:

– Не, спецов вызывал.

– Я тебе что, клоун дешёвый? Конь педальный! – почему-то взбеленился он.

– Извини, не хотел обидеть. Я тебя уважаю, ты конкретный пацан.

– Я тебе не пацан. Где научился всё это делать? – его палец уткнулся в экран.

– Да нигде! Вот тут и научился. Помогает скоротать время.

Старшой нахмурился и свалил. А в следующее моё дежурство припылил с каким-то типчиком полусладкой наружности и секретуткой смазливо-длинноногой. Оказалось, полусладкий – менеджер, деваха – кассир. Я подписал договор с ООО «Табурет-три-ножки» и холдингом на установку системы видеомониторинга на объекте «Гараж номер двадцать». И сумма в графе «стоимость работ» такая, что глаза на лоб. На руки, правда, только треть, но всё одно до... по пояс, в общем.

– Сколько времени тебе нужно для установки такого же на другом объекте? – спросил старшой. Я пожал плечами.

Одним словом, тут же подписали ещё договор, получил на руки аванс, и меня перевели на другой объект – «Гараж номер ндцать».

Бабла-то, бабла! Я был в шоке. Всю жизнь работал, как пахарь, на все внеурочные и выходные соглашался ради лишней пятихатки, а тут сразу и столько! А хорошо жить у бандитов. Легализовавшихся.

Хотел выспаться, а впрягся ещё в одно ярмо. Денежное, но ярмо.

Деньги на карточку сына сбросил. Я знаю, теща их сразу снимает, не верит она в электронные деньги. Только в те,

что можно пощупать. Оно и к лучшему.

Я освоил ещё одну специальность. Нет, не установщик видеосистем. Угонщик. Скутеров. И мотоциклов. Я их угонял, катался за отморозком, потом бросал скутер. Теперь я довольно чётко себе представлял режим жизни Отморозка. Беда была в том, что Отморозок нигде и никогда не оставался один. Нигде и никогда. Как подобраться к нему? Через его сопровождающих? Ствола у меня нет. И не достать его. Да и убивать их я не хочу. Даже Отморозка. Мне только и надо, чтоб он ответил – зачем его шакалы мою жену пасли.

А на перевалочной базе, где я теперь жил, когда надо было где-то переночевать, начались проблемы. Откуда не ждал. Проблемы и у Хозяйки. И проблемы с Неважно. Я ей тут купил дешёвенький китайский (корейский, по названию) смартфон. Цыгане их что-то очень дёшево продают.

– Зачем? – спросила она. Странная она. Надо бы радоваться. Она нахмурилась. Подвоха ждёт?

– Задобрить хотел. Чтоб не смотрела на меня как на вошь.

Я теперь тут был полноправным жильцом. У меня был ключ от входной двери, я помогал в уборке по дому и «вносил квартплату». Так я это называл. Помогал, в общем, немного. К чему я это? А, в общем, я уже был «дома», когда пришла Хозяйка. Она задержалась и пришла заплаканная. Она,

конечно, пыталась это скрыть. Но тщетно – и я, и дочь увидели.

– Что случилось? – спросил я.

– Опять он? – спросила Неважно одновременно со мной.

А вот это интересно! Я уставился на подростка, но она, поняв, что сболтнула лишнего, убежала в свою мышиную норку, куда вход мне заказан.

Вечер был испорчен. Неважно носа не показывала, Хозяйка тупила. Слова не вытянешь. Дождавшись, когда она пошла в душ, я вломился в ванную, вырвав ингалятор (там ингалятор-то!).

– Что ты делаешь? Уйди! Пошёл вон!

Не обращая внимания на её истерику, я её крутил и так, и сяк, рассматривая. Синяки на руках, шее, груди, бёдрах.

– Кто это сделал? – спросил я.

Она меня не слышала. Билась в истерике.

– Кто это сделал? – заорал я ей в лицо. Но даже крик не пробился до неё.

Я отпустил её, повернулся. В дверях стояла с воинственным видом, между прочим – с молотком в руках, и огромными глазами (голубые, оказывается) Неважно. Я отобрал у неё молоток:

– Поранишься.

Сжал за плечи, приподнял, переставил, прошёл, отпустил.

– Успокой мать.

И ушёл. Не люблю истерик. Особенно у женщин, которые тебе безразличны.

Я сидел у подъезда на вкопанной покрывше, курил. Подошла Неважно, села на соседнюю покрывшу:

– Дай закурить!

– Перетопчешься.

Я докурил сигарету, раздавил бычок о покрывшу, закурил ещё одну.

– А у тебя нет семьи?

– Не идёт!

– А зачем ты спросил, зачем тебе знать – кто это сделал? – наконец спросила она.

– Надо. Кто он? Ты ведь знаешь. Говори!

– Зачем тебе?

– Я любопытный. Ну?!

– Начальник отдела физлиц, – выдохнула она, закрыв лицо руками, а руки на колени, вся сжалась, будто бить её буду. Что за реакция шизанутая?

Она была в том же халате. А телефон-то она успела из коробки вынуть. Вот он, в кармане лежит. Современные телефоны такие большие, широкие. Не как «Нокии» первые, но всё же. Я достал смартфон, запустил интернет, поисковик, нашел её организацию, структуру, персонализацию. Узнал фамилию. Поиск по фамилии вывел меня на одну из соцсетей. Вот и фото.

Неважно уже с интересом следила за моими манипуля-

циями.

– Он?

– Он, с...

– Ну-ну, некрасиво так на уважаемого человека, примерного семьянина.

– Да он!..

– Читай сама. Вишь, как красиво расписано. Ладно. Пора мне. Иди в дом, простынешь ещё.

Я ждал его. У его машины. Японец С класса. Ничё так. А стоянка эта, кстати, не оборудована видеонаблюдением. Но я всё равно илём не стал снимать. А рядом с его машиной удачно стоял «уазик».

Я проколол все четыре колеса, сигнализация не сработала. Пришлось монтировкой высадить лобовое стекло. Вот тогда она и взвыла. Я отошёл за УАЗ.

Летит, летит, причитает. Встретил его подсечкой, свалил и стал бить. Больно, методично. По мягким тканям, по суставам, по почкам-печенкам, не трогая лицо.

– За что? – разобрал я среди его криков.

Я наклонился к нему и прямо сквозь затемнённое стекло шлема спросил:

– Приятно?

– Нет, не надо!

– А женщин бить и насиловать приятно?

– Нет, вы ошиблись, я никого не насиловал!

Я отходил его ногами.

– Вспомнил?

– Она сама! – завизжал он. – Сама! Ей так нравится!

Тут я засомневался – а мы вообще об одной и той же думаем?

– Кому нравится? Как её имя?

Он назвал. Нет, та самая. Теперь я бил этого борова с максимальной жестокостью, на которую был способен. Пока не вырубил. Потом сел на скутер и уехал. Скутер бросил, джинсовку и джинсы снял и положил в пакет, пошёл в шортах и майке к своему скутеру. Пакет выбросил в мусорный бак через пару кварталов.

И уехал на речку искупаться и успокоиться – после драки у меня всегда руки трясутся.

Пока обсыхал на берегу, думал – вот надо оно мне было? Ещё и прихватят за нанесение вреда здоровью. Но уж больно он меня взбесил. Такой весь правильный, хороший, а бабу регулярно насилует. Ладно бы просто склонил к сожителю, но ему же надо, чтобы она сопротивлялась. Ему так больше нравится? Крутым себя ощущает? А с другой стороны, он что-то там блял, что она сама. Может, и правда. Их, баб-то, не поймёшь. Они всякими бывают. А, пох, уже свершилось.

Поехал на «работу». Жара спала, можно и по заборам с камерами полазить.

Когда я пришёл к ним в следующий раз, они опять смот-

рели на меня глазами испуганных коров.

– В командировку ездил, – сообщил я, ставя на стол пакет с продуктами, – как вы тут?

Они переглянулись. За ужином раздавили бутылочку коньяку, малой тоже налили. Выпив, Хозяйка осмелела, задала прямой вопрос – я ли отправил в больницу её обидчика. Я, улыбнувшись, ответил, что не понимаю, о чём речь. Мать очень строго зыркнула на дочь, та юркнула в норку и больше не показалась.

По утрам она уходила, меня не будила. Так должно было быть и в этот раз. Но сквозь сон я почувствовал нежные руки на своём теле, губы. Не просыпаясь, сгрёб женское тело под себя. Однако даже сквозь сонливость, наткнувшись на преграду, я почувствовал, что тела этого мало. Должно быть мягче, мясистее. Отпрянул, открыл глаза.

– Давай же, что тебе стоит?! – взвизгнула Неважно.

Я сел на краю дивана, спиной к ней, накрыл её одеялом с головой. Она ревела, причитала. Потом кричала на меня, затем опять плакала, причитая, что она некрасивая настолько, что даже я побрезговал. А подруги её и так считают её бракованной.

Я повернулся, сдёрнул одеяло. В этот раз она прикрылась, закрыв девичьи груди ладошками.

– Девственность – сокровище. Его беречь надо. И пода-

рить её тому, кто достоин, кто оценит. Тому самому, единственному и неповторимому.

– Нет таких.

– Есть. И твой где-то ходит, ждёт. И если ты пойдёшь на поводу своих падиших подруг, то когда он встретит тебя, он пройдёт мимо. Зачем ему падишая?

– Это сказки для маленьких девочек. Жизнь – дерьмо.

– Дерьмовые люди, чтобы не чувствовать своей вони, стараются вымазать в дерьме всё, что ещё не вымазано. Когда все воняют – никто не воняет.

– Всё ты врёшь! Ты просто побрезговал. Неужели тебе не хочется целки?

– Нет, не побрезговал. Без одежды ты симпатичнее. Но не для меня. А целка... Уже было. Я тебе не сказку рассказывал, а реальную историю. Мою и моей жены.

– А что ж ты тогда тут делаешь? – ехидно спросила она.

– Мою жену убили. Я мицу. Большие ни о чём не спрашивай.

– Убили? Прости, я не знала.

– Понимаю.

– А моя мать?

– Тебе честно или соврать? Правда ранит.

– Значит, с матерью – это на время?

– Да.

– А она – всерьёз.

– Мне жаль.

Я встал, не одеваясь, сходил на кухню, поставил на огонь чайник. Когда я вернулся, она лежала на боку, свернувшись калачиком, смотрела в спинку дивана. Услышав мои шаги, она посмотрела на меня, вернее, на мою готовность к «бою».

– Ты хочешь меня, – констатировала она. – Значит, я не страшная?

– Ты симпатичная.

– Между нами что-то могло бы быть?

– Могло, но не будет.

– А если я не буду целкой?

– Не будет. Тебе ещё жизнь строить, а я уже пропащий.

Не стоит.

– А я хочу.

– Перехочешь.

Чайник закипел, засвистел.

– Кофе будешь? – спросил я, натягивая штаны.

– Буду.

Она пришла на кухню в чём мать родила. Вот ведь оторва! Измором меня решила взять?

– Решила не мытьём, так катаньем? – спросил я её.

Она улыбнулась:

– А вдруг?

– Если ты продолжишь в подобном ключе, ты меня больше не увидишь.

Она уставилась на меня. О чём она там думала, я не знаю, но спросила:

– Мне одеться?

– Сиди уж. Мне приятно, в конце концов. Но о нас даже не думай. Пей, остынет.

Молча пили кофе.

– Гош, я правда не страшная?

– Правда.

– А почему?.. – она замолчала, слова застряли в её горле, а слёзы выступили из глаз.

– Вопрос поставлен не так, потому и не можешь найти ответа. Вопрос – кто? И зачем им это нужно.

Она задумалась.

– Может, тебя гнобят не потому, что ты хуже, а потому что они – полный отстой? – убеждал я. – А если они отстой, стоит ли плакать? Тебе не всё равно, что о тебе подумает свинья? Или ты думала, что став шалавой, избежишь унижений? Нет, всё только усилится. Они не будут с тобой дружить. На дружбу способны только люди, способные осознать правду. А б... никогда правды не видят, никогда её не признают. Они живут в иллюзиях. Жизнь вне лжи их разрушает.

– Я ничего не поняла.

– Представь подругу, что больше всего тебя гнобит. Вот если все кругом начнут к ней относиться так, как оно должно. У неё много парней?

– Да.

– Она – б... И, представь: все начнут ей это в глаза гово-

рить. Она будет убеждать: она со всеми и с каждым только по любви. А все смеяться: это же смешно. По любви? К чему? К палкам? Если она окажется в подобной среде, где она всего лишь то, что она есть – половая тряпка, то она умрёт.

– Мне кажется, ты не прав.

Я пожал плечами.

– Девочка, тебе сколько лет? А мне? Я чуток больше тебя видел, чуток лучше разбираюсь в жизни и людях. Потому в моей жизни была настоящая любовь. Чего и тебе желаю.

– А какая она, настоящая?

– Это не объяснить. Это надо осознать, почувствовать. Любые мои слова ничего тебе не скажут. Это то же, что слепому с рождения описать радугу.

– Как я узнаю, что это она?

– Не переживай, поймёшь.

– А если я полюбила, а он – нет?

– Тут или ты ошиблась, или время не пришло.

– В чём ошиблась?

– Что любишь.

– Я не ошиблась. Я люблю тебя.

Она смотрела мне прямо в глаза, упрямо и по-детски – непосредственно. М-да, убойное сочетание – голая девочка признаётся в любви. Мне.

– Нет. Ты не любишь меня. Это не любовь. Любопытство, желание – плотское, уважение, может быть. Даже

дочерние чувства вот так выразились, но не любовь.

– Не решай за меня! Я люблю тебя, я хочу, чтобы ты стал первым! – она вскочила, встала передо мной, вся такая голая, тонкая, юная, страстная. Глаза горят, губы пылают, соски окаменели бордовым, трогательный девичий пупок, пушок на лобке, юношеская припухлость в бёдрах. Вся такая нежная, упругая, сладкая. А, проклятие! У меня аж скулы свело судорогой. Ага, скулы, хе-хе.

Я встал, взял её за подбородок, долго смотрел в её пылающие глаза, поцеловал в губы. По-взрослому, по-настоящему. Со стоном оторвался, метеором собрал свои вещи и сбежал.

Опять «котлета» (1941 г.)

А потом всё изменил голос:

– Старшина Кузьмин?

Я не ответил. Я перестал разговаривать, потому что моими собеседниками могли быть только особысты, а они меня даже пытаться принимались, суки!

– Я привёз вам привет от Тимофея Парфирыча.

Я чуть не закричал от радости. Наконец-то! Дошли! Но тут же подленький здравый смысл (или паранойя) осадил меня.

– И?

– Восток доехал.

Это ничего не значит. Хотя многое может значить. Первое – всё идёт по плану и всё хорошо. Второе – провал. Кто-то перехватил Кадета с группой и расколол их по самые помидоры.

– И?

– Парфирыч ознакомился с посылкой и улетел. Он приказал вызволить вас. Врач говорит, вы при смерти и не перенесёте дороги.

– Нах! Куда угодно, только не гнить здесь! Надо – вынесу! И подохну – всё лучше, чем так, опарышем съедаемым.

– Как же вас довести?

– А ты кто?

– Старший уполномоченный по особо важным делам Лауза Михаил Ильич.

– Михаил Ильич, мои вещи надо забрать с собой. Там в нагрудном кармане трофейные сильнодей. . . не выговорю. Таблетки там. Голубоватые. Если буду пить по одной каждые шесть часов – довезёшь.

Ага, нариком конченным стану, но довезёшь.

Следак метнулся, мне к губам были приставлена таблетка, потом металлическая кружка с ледяной водой. Во-о-от! Так-то лучше!

– Поехали, старшой. Видимо, долг мой не уплачен. За-чем-то понадобился кусок котлеты под званием старшины Кузьмина. Слушай, старшой, я сам не вижу – мне ничего не отрезали лишнего?

– Я не врач, но руки-ноги имеются.

– И то хлеб.

Рассказать про дорогу нечего. И не стоит. Что рассказы-вать живому мертвецу, по недоразумению задержавшемуся в этом мире? Нить, что это было больно и тяжело? Это и так понятно. В общем, это было невыносимо.

Сколько времени прошло в тряске, боли, в обмороках я не знаю, но очнувшись в очередной раз, я услышал деловой голос, до боли знакомый.

– Натан! – захрипел я.

– А, узнал, старый ты кусок медвежатины! Я вот уже го-

ворил Степановым, похоже, что вытаскать тебя с того света превращается у меня в привычку, – сказал Натан и тут же заржал.

– Получится?

– Куда ты теперь денешься! Ты в очередной раз умудрился поставить всех на уши. Все требуют твою душу и срочно. Заметь, не мясо, а душу. Нужен ты опять нашим большим и сурьёзным мальчикам. Опять игра затеялась. И как ты умудряешься быть в центре всего этого?

– Тяжело и больно.

– Я заметил. Да, а что это за таблетки с тобой в комплекте пришли?

– Там наркотики. Опиаты годны как обезболивающие, есть стимуляторы, есть галлюциногены. Вот последним применения не нашёл.

– М-да. Опять... Не ори! Я тебя к операции готовлю. Опять ты меня удивил. Где препараты-то такие раздобыл?

– Трофеи, Натан, трофеи. Американские.

– Так, Витя! Ты меня в дела ваши тайные не тащи! Мне нельзя, как агенту сионизма.

– Натан, не смехи, больно смеяться. Сам же спросил. Наркоз чем планируешь делать?

– Какой наркоз? Давно уже ничего нет. Только если твоими. Не ори! Лучше расскажи, что знаешь об этих опиатах. Говори, говори, мне надо, чтобы ты говорил.

Я рассказывал, что знал. Дозировки, способы примене-

ния, изменение воздействия от способа внесения в организм. И вот во время этого повествования речь моя замедлилась, мысли стали тягучими, как кисель. И вот я не смог раскрыть рта – губы перестали слушаться, слово оборвалось на середине.

– Витя? Витя? Ты меня слышишь? Пальцами можешь пошевелить? Понятно. Ну, что же, коллеги, приступим!

Я хотел заорать: «Натан, ты охренел! Я же всё слышу, я всё чувствую!», – но не смог. Я чувствовал, как отрываются бинты, как скальпель бежит по коже, как кровь, сбегая вниз, щекочет. Как тампоном её собирают, как мне составляли, с хрустом и скрежетом, обломки костей. Я это всё чувствовал, но не чувствовал боли. Тошнило только. Блин! Хорошо-то как! Пусть ковыряются. Главное – болеть перестало. Хоть на время, но перестало. А потом тьма добралась до моего сознания.

Судьба Голума

(наше время)

План по разговору с Отморозком вытанцовывался в моей голове. Я купил электрошокер. Нужны препараты определённого воздействия на организм. Вот только беда в том, что они числятся сильнодействующими наркотическими веществами, вызывающими мгновенное привыкание.

– Вот это список! – удивился кум. – Решил с синьки на колёса перескочить?

– Не, это не для меня.

А к кому ещё обратиться? У нас в городе подобным торгуют только те, кому наркоконтроль разрешил. Так зачем мне посредники?

– Довольно необычный подбор, – продолжал удивляться кум, – половина этого у моего дядьки была в красной аптечке на Кавказе. Ты на войну собрался?

– Да какой из меня вояка! Ты же знаешь, плоскостопие, близорукость, общая заторможенность.

– Вот только не надо про заторможенность. Я на чемпионате России в финале выступал, но такой скорости даже у своего соперника не видел. Как ты это делаешь?

Я пожал плечами. Тот бой в финале кум проиграл. Приехал с чемпионата к нам с отбитой головой, с коньяком. Мы выпили, его накрыло медным тазом. И я был пьян. В общем, пошли мы на улицу. За приключениями. А кто ищет, тот всегда найдёт. Махались мы вдвоём на восемь человек. Были биты, но остались на ногах. Драться я умел неплохо. На соревнованиях не выступал, оценить уровень было невозможно, но один на шестерых выстаивал – оставался на ногах. Был сильно побит, но вырубить себя не давал. И кума бил в спаррингах. Всерьёз мы не махались.

– Ну, так что по этим? – я постучал ногтём по списку.

– Возможно, в принципе. Тяжело, но возможно.

– Когда?

– Экий ты приткий! Ты мне ещё не рассказал, как ты

так делаешь в драке, что как угорелый скакать начинаешь.

– Да что я тебе расскажу?! Случайно это открылось. Время как замедляется. Потом прочёл – это состояние изменённого сознания. Организм поднимает обороты всех жизненных процессов настолько, что появляется подобный эффект. А вот как это сделать тебе, не знаю. Я даже не знаю, как у меня так получается. Может, выброс адреналина так действует?

– Вот ты жук, куманёк! Всё что-то мутишь, мутишь. И никак тебя не прихватишь.

– А хотелось? – рассмеялся я.

– Ха, ещё б! За такими, как ты, правильными и мутными, как раз награды и погоны стоят. Вы же...

Он сплюнул. Что это он?

– Чё это с тобой?

– Представляешь, попадает мужик в больницу. Кто-то отходил его знатно. Кто – не можем установить. И пока я метался, искал этого байкера, мой ушлый сослуживец копнул этого избитого. А он – насильник! Установили уже две жертвы, есть заявления. И я с носом, а он – в шоколаде!

– А на меня чего собак спустил?

– Так он такой же умный и правильный, хрен подумаешь.

– Ну, так в чём дело? Копни и меня. Может, тоже звёздочку получишь? По-родственному так – меня в тюрьму, тебе погоны.

– Да пошёл ты! Обиделся я на тебя.

– На обиженных воду возят. Так что по химии?

– Я позвоню. Пора мне, пока!

– Пока!

Уходя, я ещё подумал, что хорошо, что пешком пришёл. У них, оперов, мозги по-особенному устроены. Сложилось бы у него в котелке, что я байкер, и скрутил бы меня. И всё псу под хвост. На кой ляд я вообще связался с той бабой и её озабоченной дочкой?

Только подумал о ней, слышу:

– Дядя Гоша!

Это что ж у меня за племянница образовалась? Ха, Неважно, собственной персоной. Да, маленький у нас город, очень маленький.

– А я вас искала, – потупившись и покраснев, сказала она. Бежала, запыхалась.

Я оглянулся. Главное, чтобы кум не видел.

– Зачем?

Она опять выпучила глаза. Видно, что заготовленная речь вылетела из головы. Не знает, что сказать.

– Ладно, пойдём в кафешку, что ли. А то стоим, как два тополя на Плющихе.

Пока ждали кофе и мороженое, разглядывал её.

– А ты похорошела.

– Спасибо. Вы знаете, я сначала очень обиделась на вас...

– А что это за «вас»? Давай на «ты». Слух режет.

– Давайте, ой, то есть давай, – она опять замолчала,

мяла в руках телефон, то открывая, то закрывая чехол.

Принесли кофе и мороженое.

– Съешь мороженку. Как мать?

– Плохо. Плачет. В общем, – она вздохнула, будто собирается прыгнуть в воду, – я сначала обижалась, а теперь нет. Я много думала о том, что случилось, что вы, ой, ты говорил.

– Уже хорошо. Думать полезно. Больно, но полезно, – буркнул я, отхлебнув кофе. Хм, а неплохой кофе. Надо к ним ещё зайти.

– Не сбивайте меня, я и сама собьюсь. Ну, вот, опять забыла.

– Не опять, а снова. А может, ну их, эти разговоры? Поговорили и поговорили. Главное, чтоб толк был. Расскажи лучше, как сама?

– Нормально. Я сильно изменилась. Не думала, что можно так быстро измениться.

– Это у ребят долго. А у вас – за одну ночь.

Она рассмеялась:

– Я же не о том.

– Так и я не о том. Вижу уже, что тебе на пользу. Лучше выглядишь, за волосами ухаживаешь, красишься, платице красивое, тебе идёт, подчёркивает всё, что нужно.

Она опять смутилась.

– Из ребёнка ты превратилась в юную и довольно симпатичную девушку, – продолжил я. – Это хорошо. Чем мир

красивее, тем лучше.

– Вот, вы опять меня сбили. А я извиниться хотела. Простите меня. Я действовала глупо.

– В следующий раз будешь действовать умнее?

Она прыснула, жеманно склонившись к столу, искоса взглянула на меня:

– Следующий раз?

– Девочка, думаешь, ты первая женщина на моём веку? У меня женой была Женщина – с большой буквы. Я насмотрелся в ней вас всех.

Она стала серьёзна, ещё немного погода – задумчива.

– А в вас я увидела настоящего мужчину.

– Опять ты ошиблась, девочка моя. Во мне ты можешь увидеть только деда. Твой настоящий мужчина ещё где-то бродит. Тебя ищет. Его и познаешь, когда он станет твоим мужем.

– Я так хочу этому верить, но так боюсь, что это только сказка! О принце на белом коне.

– И будет тебе конь. Мысль материальна. Не жди принца, жди друга, парня, защитника, мужа. Именно в такой последовательности. Сначала друг, только потом – любовь.

Кофе был выпит, мороженое съедено под лёгкий непринуждённый треп.

– С вами хорошо, легко и приятно, – сказала она.

– С нами? – я специально оглянулся по сторонам. – С кем?

Она опять хихикнула:

– Извини, я опять забыла. С тобой, с тобой.

– Пойдём?

– Подожди, – попросила она.

Я сел обратно.

– А ты к нам с мамой вернёшься?

– Зачем?

– Она плачет.

– Ты же знаешь, что я ничего к твоей матери не испытываю. Рано или поздно я уйду. Она всё одно будет плакать. Зачем преумножать печали?

– Но с тобой она была счастлива. Даже когда отец жил с нами, я её не видела такой счастливой. Я же, сучка, позавидовала ей и всё разрушила. Вернись, пожалуйста. Хоть на время.

– Посмотрим, – ответил я. Некоторое время сидел, думал. Она ждала. – Посмотрим.

Распрощавшись – она мило чмокнула меня в небритую щёку, расстались.

Вечером, с цветами и шампанским, я открыл дверь их квартиры своими ключами, сразу же был задушен в объятиях двух пар женских рук и залит двумя парами ручьёв слёз. Хорошо хоть, спать не пришлось с обеими.

А ночью, глядя в потолок и слушая дыхание двух женщин (какая может быть звукоизоляция в хрущёвке?), я думал – так ли хороша была идея с перевалочной базой? Мы ответственны за тех, кого приручили. Я, похоже, перестарался

с желанием произвести впечатление. Баба запала на меня. А малая (хвалёная звукоизоляция хрущёвок) слушала, подглядывала, подтекала. И вместо перевалочной базы получил ещё двоих людей, которым не безразлична моя судьба. Ещё две верёвки, связывающие меня. И скрыться не получилось – слишком уж мал наш город. На одном конце чихнёшь – с другого конца «будь здоров!» кричат. Но сделано, исправить не получится, остаётся расхлёбывать последствия.

Опять «котлета» (1941 г.)

Не успел я оклематься от одной операции – следующая. А потом ещё одна. И ещё. Натан даже восстановил мне лицо и пересадил кожу с правой ягодицы на грудь. Вот это ни хрена себе! В узловой больнице хирург, способный пересаживать кожу!

К новому, сорок второму году, встреча которого была совсем не праздничной, я смог вставать, ходить по палате. Перво-наперво подошёл к зеркалу, поглядеть на своё новое лицо. Хорош! Вся морда в лиловых шрамах. Ну, хотя бы не перекосило, спасибо золотым рукам Натана. На левом ухе не было мочки. И хрен с ней. Не оглох – и это главное. А в дивизионном медсанбате врач меня похоронил. А я – вот он! Добьюсь ещё восстановления в армии!

Одно мне не давало покоя – левая рука. То, что болела, это понятно. Но она не полностью восстановилась. Я не мог её согнуть в локте. С помощью правой руки – пожалуйста, безболезненно, то есть локтевой сустав был в порядке. Дело в мышцах, связках или нервах. Ощупывая левое предплечье, сделал три открытия: ниже локтя левая рука потеряла чувствительность, нервные волокна всё-таки перебиты; второе – я не нашёл мышцы-сгибателя руки, бицепса; и третье – левая кисть, под бинтами, стала короче. На перевязке увидел, что пальцы на этой руке выровнены по длине мизинца. Ока-

залось, осколок мне их подравнял.

Своими соображениями по поводу оторвавшегося бицепса поделился с Натаном. Он долго щупал, хмурил лоб.

– Хрен его знает, Витя. Готовься к операции. Клизма, ну, как обычно. Раскрою, там разберёмся.

Разобрался. Что он мне там сделал, я так и не понял, тем более что мне было параллельно, главное, я начал чувствовать бицепс, как он, повинуюсь моим мысленным приказам, пытался сжиматься, тянуть руку на себя. Ясно, что всё это было больно, а Натан категорически запретил нагружать руку. Мне переделали гипс – он теперь фиксировал руку в согнутом состоянии, закрывая её, как панцирем, от кисти до плеча.

Я оживал. С каждым днём бинтов и швов на мне становилось меньше, я чувствовал себя лучше, есть немудреную больничную пайку стал с аппетитом. Я уже хромал не только по палате, но и по коридорам. Обещали скоро снять гипс с ноги.

И вот тут пожаловали гости. Из органов. Представились. А я им честно сказал, что знать их не знаю и разговаривать с ними не собираюсь ни о чём, кроме погоды.

– Вы понимаете, что сотрудничать с нами придётся?

– Не обязательно. Угрожать будете?

– Не хотелось бы. Желательно, чтобы вы сами пошли нам навстречу.

– С чего вдруг-то? Нет у меня таких побуждений.

– Мы можем и надавить, – сказал, потеряв терпение, второй.

– Каким образом? Нет, ребята, ничего у вас не выйдет. И имущества я не нажил, алчностью не страдаю, грешков за мной нет. Близких у меня тоже нет – они делают нас уязвимыми.

– А как же ваши друзья?

– Друзья? У меня есть соратники, товарищи, что шли со мною к цели. Они поймут меня. Отсюда вам меня тоже не взять. До свидания, ребятки. Устал я. Зачем только вам понадобился? А-а, по барабану! Отстаньте.

Они ушли. Но как настоящие карлсоны, обещали вернуться. Следом пришёл встревоженный Натан. Ничего не спрашивал, просто сел напротив.

– Что, Аароныч?

– Зачем приходили, Иваныч?

– Нужен им я. Зачем, не знаю. Не уверен, что они сами знают. Поживём, увидим.

– Эх, не вовремя Степановы разъехались.

– Степановы? Ладно, с Парфирычем понятно, а Сашка?

– Лечил я его.

И Натан поведал о судьбе моего ротного после расставания на полустанке. Отступая, Степанов собирал вокруг себя всех, до кого смогли дотянуться его загребущие ручонки. И хотя командовал он не покидая бронетранспортёра – нога, собрал внушительное количество людей. Главное, он

смог из растерянных, деморализованных людей и разрозненных подразделений сколотить единую боеспособную единицу и начал оказывать сопротивление врагу. Присоединил к себе несколько отступающих в беспорядке расчётов с орудиями самых разных систем. Благодаря спасённым тылам нашего батальона и подобранным бесхозным машинам и тракторам (даже отремонтировали два брошенных танка), наладил снабжение продовольствием и боепитанием. Действовать стал по тактике Ё-комбата, творчески переведя её на другой уровень. Закреплялся на каком-либо удобном рубеже, давал бой подошедшему противнику и тут же отходил на следующий рубеж, который для него готовила нестроевая часть его воинства, куда входили тыловики всех мастей и присоединившиеся гражданские лица.

Тактика оказалась очень удачной, скоро и в наших и во вражеских штабах появился термин «группа Степанова», а негласно – «дикая бригада». Александр Тимофеевич Степанов срочно получил звание майора (негоже капитану командовать отрядом, по численности превышающим полк, а по ширине отведённого фронта – дивизию) и представление на Героя Советского Союза.

Так отступали до Ельца, город не удержали, понесли большие потери, но потом подошла свежая родная стрелковая дивизия, сформированная из земляков под командованием уже знакомого генерала Синицына. Дивизия крепко встала, удержала врага на месте, даже пытались вернуть Елец, но

не преуспели. В этом контрастном поступлении Степанов был ранен ещё раз и попал в госпиталь, потом к Натану.

– Там рана была не сильная, быстро зажило – пуля по мягким тканям прошла. Гораздо серьёзнее было с ногой. Лечение он забросил, там всё серьёзно было. Хромать долго будет. Может быть, и всегда.

– А сейчас он где?

– На курсы поехал учиться. При Академии Генштаба. Он же теперь перспективный старший командир. Представленный к Звезде Героя. В майорах долго не засидится. Если голову свою отчаянную не сложит. Эх, сколько же раз я его шил! То колено рассечёт, то бровь, то ножом порежут. В каждую дырку норовит голову засунуть.

А я был рад за Санька. Он заслуженно поднимался вверх. Вон, оказывается, как умеет командовать. Охренеть, если честно. Мой ротный через месяц фактически командовал бригадой. Настоящий полковник!

Стали вспоминать общих знакомых. Я спросил про Катерину. Натан помрачнел:

– Нет больше их. Ночью. Одной бомбой. Всех. Вместе с детишками. Ты же помнишь, дом её близко к станции был.

Больше разговаривать не хотелось. Натан попрощался и ушёл. Я провалялся несколько дней в чёрной тоске. Сколько же народу поубивало! А сколько ещё погибнет?! Не солдат, а вот таких баб и детишек, как Катерина с семьёй, как жители той деревни, непонятно за какие грехи сожжённые в коров-

нике. Всё это ещё перекликалось с мрачными снами Голума, боль потерь терзала душу.

Потом пошли посетители. А я, оказывается, популярен! И девочки-комсомолки приходили, и даже с отчётом о проделанной работе по подсказанным мною направлениям; сослуживцы, волею судьбы оказавшиеся в городе; даже один парторг из тех, что награждал меня именными портсигаром и флягой. Приходила Мария Фёдоровна, мама Миши, которого я окрестил разом и Перуновым, и Кадетом. Она похорошела за это время. И была мне очень благодарна за сына. Настя Ангел теперь жила с ней. Куда делся Бородач, дед Насти, она не знала. А вот Миша Кадет поехал учиться куда-то на Урал в артиллерийское училище. Офицером, то есть командиром, будет. Мария Фёдоровна не уставала благодарить меня за Мишу. И что в живых сохранил, и что я, как оказалось, настоящего человека и офицера воспитал. Обещала, что благодарность её не будет знать границ.

– Мария Фёдоровна, не надо, ей-богу! Я тут совсем ни при чём. Это вы его таким родили и воспитали. Я лишь держал его подле себя и эксплуатировал в своих интересах. Я его даже не жалел. Он в атаки на танки ходил и лично сжёг один танк по моему приказу. И в штыковые атаки ходил со мной вместе. В одной атаке и ранен был.

Мария Фёдоровна побледнела:

– Он мне ничего не говорил.

– В следующий раз внимательно осмотрите его руку. Там

след штыка. Всё уже зажило. А вот за девушкой приглядите. Приглянулась она Мише, как мне показалось.

Мария Фёдоровна кивнула:

– Он обещал нам венчаться с ней. Как с учёбы вернётся. Как раз ему совершеннолетие наступит.

Именно «венчаться», командиров называла только офицерами. Привычка? Старая закваска?

Мы ещё поболтали. Вообще-то в госпитале было ужасно скучно. Я лежал один в маленькой палате без окна, бывшей, наверное, когда-то подсобкой. Кормили не очень хорошо. Я поправлялся, аппетит рос, паёк – нет. Возмущаться было глупо – вся страна голодала. Гости подкармливали меня, кто чем мог. Надо было поправляться и возвращаться на фронт – там кормят лучше. И я стал заниматься. Йогой, или как там назывался комплекс, которому я обучился в юности. Всё быстрее время пролетало. Да и надо было восстанавливать тело. А там и истерзанное сознание и душа подтянутся.

Всё шло нормально. Мне сняли гипс с ноги, стал растягивать одеревеневшие связки и мышцы. А потом однажды пришли четверо здоровых мужиков в форме НКВД, с автоматами (почему-то не с привычными ППШ, а с ППД) и предписанием. Пришлось ехать с ними. Хорошо хоть они догадались мне одежду привезти. И обычную, и теплую. А что? С них станется, они и в пижаме на мороз потащат! Форма была общевойсковая, моего размера и роста, но бывшая в употреблении. Дырки от пуль и осколков заштопаны, всё выстирано.

Против лома нет приёма. Одедся и поехал с ними.

Узник (1942 г.)

Ехали сначала на машине. Долго, нудно. Молча. Потом погрузились в самолёт. Там мне дали тулуп до пят и тёплую шапку. В такую же спецовку облачились и мои конвоиры. В самолёте я выбрал угол с мягкими брезентовыми мешками (почта, наверное) и лёг на них. Оглушительно взрвели моторы, самолёт покатился. Затрясло нещадно. Пришлось сесть, чтобы не скатиться от тряски на пол. Полетели. В воздухе трясло тоже сильно. Иногда мешки из-под меня вместе с самолётом на мгновение ухали вниз, а я догонял их. Это было больно. От всего этого меня сильно растрясло, и я потерял сознание. Когда очнулся, оказалось, что меня пристегнули какими-то ремнями к каркасу самолёта. Я спокойно опять отрубился.

Судьба Голума

(наше время)

Ничего лучше придумать не получалось. Поэтому стоял и ждал. По воскресеньям Отморозок, изрядно нагулявшись, уезжал почему-то в тот дом. По этой дороге. И если обычно с ним была полная машина приятелей и девок облегченного поведения, то в эту деревню он ездил исключительно в сопровождении одного охранника. Он же водитель. Было очень интересно, что же это за дом, куда он ездил, но там

забор с колючкой, охрана, видеонаблюдение и полноценный периметр. Моя пятая точка прямо вопила, что к этому периметру лучше не подходить. Даже смотреть на него пристально не надо.

Вдали маякнули фары. Едут. Я заглотил две таблетки чудо-химии, запил, завёл мотор. Этот скутер я угнал давно. Он был большим и тяжёлым. Все провода к свету перерезал, чёрной краской закрасил желтые полосы (раньше он был чёрно-жёлтый). У меня даже приборная панель не светила.

Сердце стало биться чаще, мир перед глазами вздрогнул, пальцы стало покалывать – таблетки начали действовать. Этот препарат используют в войсках. Уколотые подобной дрянью даже с выпущенными кишками рвутся в бой. И никакого болевого шока, никакой усталости, пока действие химии не закончится. Зато под этой химией могу перевернуть автобус. Спину и позвоночник порву в лоскуты, но переверну.

Паркетник Отморозка приближался. Когда он пересёк нужную мысленную линию, я выдавил газ на полную. У этого мопеда не только вес больше, но и объём двигателя утронен. Фактически это уже байк. Мотоцикл.

Байк нёсся наперерез паркетнику, резво сокращая расстояние между нами. Всё же я слегка ошибся в расчётах. Что расстраивало. Но только слегка, что обнадеживало. Я чуть сбросил скорость и за долю секунды до столкновения

свалился с байка, направив его под переднее колесо автомобиля.

Грохота аварии я не слышал – кубарем катился по асфальту. Хорошая вещь эта байкерская экипировка. Без неё я бы стёрся об асфальт, как сыр на тёрке. И таблетки подействовали – мне было совершенно не больно. Только бы шокер уцелел. Я поднялся на ноги и поковылял к джипу, вставшему поперёк дороги. Правая передняя сторона машины довольно сильно разбита, фара не горит.

Открылась водительская дверь. Оттуда выпал довольно крепкий мужик. Пониже меня, но намного шире. Он тоже встал и так же, как и я, пьяной походкой пошёл навстречу, вопя во всё горло положенные слова о том, что я попал, что меня зароят, что я не знаю, на кого наехал, и так далее и тому подобное.

Этот бодигард, видимо, был боксёром. Потому что его удара я даже не заметил, хотя и ждал. Надо же было мне подставиться! Но хоть и боксёр, а дурак. Зачем в шлем-то бить? Ну, расколот ты шлем, сломал себе руку, а дальше? А дальше – электроудар! А вот и нет. Шокер не выжил. Пришлось бить этого медведеобразного по старинке – ручками-ножками. А шокер использовать как кастет. Управился наконец. Завёл его руки за спину, скрепил их пластиковой стяжкой для кабелей.

А где же наш Отморозочек? А вот и он, целится в меня из пистолета. Только ствол в его руке гуляет туда-сюда. А

другой рукой он нос зажимает.

Ствол выплюнул дугу огня, ещё и ещё. Я пытался уйти с линии прицеливания как можно резче, но со злостью почувствовал удар в бок.

Время для меня замедлилось ещё тогда, когда я ствол увидел. А так бы все пули были бы мои – с десяти шагов-то. Четвёртый раз выстрелить я ему не дал – задрал ствол в небо и вплеп кулаком ещё раз в нос. И ещё раз. Потом покидал оба тела в авто, обшмонав их, выключил мобилы и рацию.

Паркетник завёлся. Вам бы, ребята, тогда сразу завестись и свалить. Но на что я и рассчитывал, решили покарать наглеца, что влетел в вас и побил машину и драгоценные морды. А теперь мы поедem в одно тихое местечко.

Когда-то это был коровник. От него осталось немного. Шифер растащили, скот порезали, оборудование сдали в металлолом. Тут даже навозом пахнуть перестало. А самое ценное – до ближайшего жилого дома пять километров. Хоть стреляй – никто не услышит.

Охранника я приторочил к толстой стальной скобе, что даже хозяйственные наши крестьяне не смогли выдернуть. На голове его был черный непрозрачный тряпичный мешок, на ушах – плеер с врубленным на всю «дынц-дынц». Какой-то современный диджей. Именно этот диджей, потому что его «дынц-дынц» нон-стоп и бешеная громкость. Быка этого убивать не хотелось, но и услышать он ничего не должен.

А вот Отморозок был распят в стойле и приготовлен для вдумчивой беседы. А пока он пребывал в беспомощности, я сделал себе перевязку. Мне повезло – пуля прошла ниже рёбер, раскроив кожу и мясо. Рана длинная, кровяки натекло много, но поверхностная. Вот ментам радости – крови моей будет кругом море. Тест ДНК – и вот он, подозреваемый. Пролил рану перекисью – зашипело, кровотечение утихло. Соединив края пальцами, залил её суперклеем, пара секунд – схватывался, можно дальше клеить. О дезинфекции, анти-санитарии, заражении крови – я не думал.

Отморозок пришёл в себя, начал верещать, пугать. Обещал мне семь самых страшных казней. И другую подобную, вполне ожидаемую чушь. Я заткнул ему рот кляпом. Таким, специальным, в сексшопе продаётся.

– Ты забыл мне напомнить о правах человека и Гаагском трибунале. А теперь слушай сюда. Мне совершенно перпендикулярно, кто ты и что ты. Если расскажешь всё, что мне нужно, будешь жить, будешь молчать – будет больно.

И, чтобы слова не расходились с делом, откусил ему кусочками мизинец на ноге.

Не сильно помогло. Когда на его ногах осталось пять пальцев на две ноги, он наконец заткнулся.

Я обработал ему раны. Так, слегка. Чтоб кровью не истёк. Вколол противостолбнячную сыворотку и противошоковое.

Когда он очнулся, вынул кляп.

– Поговорим?

– Ты кто? – спросил он.

Я закивал кляп на место:

– Вопрос не верный.

И пнул его по почкам. Когда он проорался, вынул кляп.

– Поговорим?

Он закивал.

– Что тебе нужно... от меня?

– Вот, это правильный вопрос. В этом городе убили и сожгли спортсменку. Мастера спорта по кикбоксингу. Твоих обезьян видели пасущими её. Зачем? Кто дал приказ? Кто убил её? Кто давал приказ?

Он ответил, что не понимает, о чём я.

Наш неплодотворный разговор продолжался два с половиной часа. Я даже притомился. Отморозок стал совсем инвалидом. За это время я узнал многое, но к цели почти не приблизился. Отморозок говорил, что увлёкся моей женой, но не получил взаимности. Он приставил двух своих шестёрок её пасти. Но эти двое пропали. Последнее, что они доложили – её остановили менты. Гаишники. Но странные гаишники. В фуражках, форменных рубашках, желтых, с палками, автоматами, но в кроссовках. Один в красных, другой в белых.

И она пропала. Но он догадывается, кто причастен. Есть, по его словам, такая международная мегаструктура. Чудовищно мощная, всесильная. Занимается транспланта-

цией внутренних органов. И этот отморозок знал, а я не знал, что мою любимую похоронили без сердца и одной почки.

И полкан спрашивал про медкомиссию.

Я зря искалечил этого парня? Получается, так.

Я выволок обоих из коровника, оттащил подальше. В углу у меня стояли две канистры с бензином. Я залил коровник бензином, поджжёг. Я не собирался облегчать жизнь нашим операм. Пусть ищут. Второй канистрой был подожжён джип.

Я вставил батарейку в телефон калеки, включил, в последних вызовах нашёл абонента «Батя», набрал.

– Ты можешь определить местоположение телефона? – спросил я, когда мне ответили.

– Да, – после некоторого молчания, ответил сильный, уверенный голос.

– Поспеши.

– Ты знаешь, что ты труп?

– Да. Я знаю.

Не сбрасывая вызова, я положил телефон на шлаковый кирпич.

Я не успел отъехать и километра, увидел огни фар со стороны города. Хорошо, я поехал в сторону областного центра.

Подъезжая к мосту через реку, съехал с дороги на берег. Побросал в воду все улики – бинты, одежду, славную байкер-

скую амуницию, даже ботинки. Переоделся и поехал дальше.

Я сегодня числился на работе. Туда и поехал. Принял душ. Накровнял, пришлось с хлоркой убирать.

И что теперь? Если это действительно теневой рынок трансплантатов, то дела мои кислее соляной кислоты. Бороться с ними даже бесполезнее, чем с государством. И что мне делать?

Ничего не придумав, решил, что утро вечера мудренее, завалился спать.

Узник (1942 г.) Словесные танцы

Сколько летели, как приземлились, куда меня носили, сколько везли – не запомнил. В себя пришёл только на жёстком матрасе в небольшой комнате, едва освещённой тусклой лампочкой на низком потолке. Стены крашены серой краской, белёный потолок разводами. Окон нет, обитая серым железом дверь, топчан, на котором я лежал, массивный, но простой, без наворотов, стол и два табурета. Туалет типа «очко» был в углу, ничем не огороженный. Камера. Тюрьма. Без суда и следствия. Надо было орать: «Палачи! Душегубы! Кровавое чека! Диктатура! Пятьсот-милёнов-невинно-убиенных!» – но я не стал. Я их прекрасно понимал, уже привык. Для этого времени – дело привычное. Сам поступил бы так же на их месте. На кону стоит и всё, и разом. Тут не до эфемерных прав человека или мнимых «свобод». Только эффективность. Ради свободы. Ради жизни.

Я несколько часов лежал неподвижно. То пялился в потолок, то дремал. Потом загремел замок, вошёл дюжий мордovorot без знаков различия, поставил на стол дымящийся котелок, кружку, накрытую куском чёрного хлеба, пачку папирос и пепельницу, так же молча вышел.

А жизнь-то налаживается! Картошка с мясом! Сладкий чай! Толстый кусок душистого хлеба! Я наелся. Хлебом дочиста выскоблил котелок, поставил всё на край стола и опять

лёг. С сытости уснул. И даже не слышал, как забрали посуду.

Потом я опять не менее плотно поел. Спать уже не хотелось, но делать было решительно нечего. Сон и хорошая еда наполнили меня силой. Стал разминаться, потом тренировка. Я слышал, как иногда открывается глазок в двери. Пусть смотрят.

Потом пришёл майор госбезопасности Кельш Николай Николаевич – так он представился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.